

Ветер в спину и ветер в лицо

Авангардист
«первого призыва»
Владимир Баранов-Россине
в Третьяковской галерее

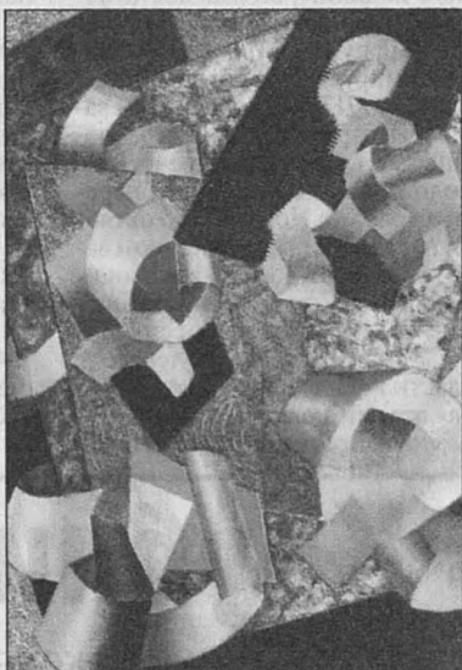
Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»

Персоналка этого художника случилась в России впервые за восемьдесят с лишним лет. В Европе его знают лучше, чем на родине, хотя культовым художником он не стал ни там, ни здесь.

Поставить Баранова-Россине в один ряд с крупнейшими фигурами XX века мешает не отсутствие таланта или работоспособности, а его переменчивость и переимчивость. Если сопоставить творческие достижения Баранова-Россине с трудами его соученика по петербургской Академии художеств Павла Филонова, можно оценить бездну между двумя типами авангардного сознания. Фанатичное, бескомпромиссное следование собственным утопическим идеалам у Филонова — и постоянное перепархивание «от цветка к цветку» в случае с нынешним экспонентом. Он не переставал усваивать и скрещивать всевозможные «измы» до конца дней.

Стартовал Владимир Баранов в самой гуще актуальных событий начала прошлого века — братья Бурлюки, скандальные выставки, эпатажные манифесты. Но вскоре выпал из авангардной российской хроники, в 1910 году перебравшись в Париж. В столице мира новоиспеченный Даниэль Россине тоже мог бы выйти на авансцену — знаменитый «Улэй», Робер и Соня Делоне, сотрудничество с журналом Гийома Аполлинера, и опять зигзаг биографии — отъезд в Норвегию. Работал над северными пейзажами, изучал особенности солнечного спектра, проводил опыты по созданию оптофона (цветомузыкальной установки), но случается революция на родине — и он уже там. Коллегия ИЗО Наркомпроса, профессорство во Вхутемасе, концерты «зрительной музыки» в театре Мейерхольда и Большом, но в 1925-м он снова в Париже. Этот город, судя по всему, художник любил больше остальных и не покидал его, несмотря на трудные обстоятельства, до момента самого последнего своего переезда — в Освенцим...

Биографы (правда, их не так много) отмечают в характере Баранова-Россине сочетание авантюрной легкости с упорством и прагматизмом. На выстав-

Композиция. 1917–1918 гг.

ке это проявляется в парадоксальном соединении передовых исканий с салонностью. Слишком изящно и манерно для исследователя художественных горизонтов, слишком вдохновенно и экспериментально для циничного эксплуататора вкусов публики. Надо добавить, что такая двойственность не способствовала коммерческому успеху: в предвоенной Франции Баранову-Россине приходилось зарабатывать на жизнь самыми разными способами — от торговли недвижимостью до изобретательства в промышленной сфере. Он запатентовал удивительные предметы — аппарат для изготовления и разлива газированных жидкостей, прибор для анализа качества драгоценных камней, робот для проведения трюковых киносъемок. Наконец, изобрел принятый теперь во всем мире камуфляжный рисунок. А вот живописные его достижения мало кого занимали.

Благодаря персоналке заметно, что при всех стилистических перепадах есть в его работах разного времени что-то общее. Что не так уж они вторичны и легкомысленны. Во всяком случае отечественный интерес к фигуре художника во многом удовлетворен. Выставка, переехавшая в Третьяковку из Русского музея, содержит больше сотни живописных произведений. Почти все они принадлежат Владимиру Царенкову — живущему в Москве и Париже коллекционеру, который сделал Баранова-Россине фаворитом своего собрания.